

Проблемы понимания конституционного правоприменения

А. Г. Самусевич¹, В. Н. Шутова²

¹ Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Иркутск, Российская Федерация;

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Российская Федерация

² Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Иркутск, Российская Федерация

В статье исследуются проблемные вопросы сущности конституционного правоприменения. Рассмотрены научные подходы к определению признаков конституционного правоприменения. Анализируются вопросы соотношения прямого действия Конституции и конституционного правоприменения. Рассматриваются проблемные аспекты определения субъектов конституционного правоприменения, а также признаки актов конституционного правоприменения. Делается вывод о том, что деятельность по применению конституционных норм при определенных обстоятельствах может обладать признаками «классического» правоприменения, но имеет специфические особенности.

Определяются дальнейшие перспективы научных теоретико-конституционных исследований в сфере определения конституционного правоприменения как отдельного вида правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: реализация права, правоприменение, правоприменительная деятельность, Конституция РФ, конституционное правоприменение, прямое действие конституции, субъекты конституционного правоприменения, акты конституционного правоприменения.

Для цитирования: Самусевич А. Г., Шутова В. Н. К вопросу о понимании и сущности конституционного правоприменения // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4 (70). – С. 84–98. DOI 10.35231/18136230_2022_4_84

Problems of understanding constitutional law enforcement

Alexey G. Samusevich¹, Valentina N. Shutova²

¹ Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russian Federation;

Irkutsk National Research Technical University Irkutsk, Russian Federation

² Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russian Federation

The article examines the problematic issues of the essence of constitutional law enforcement. Scientific approaches to the definition of signs of constitutional law enforcement are considered. The issues of correlation between the direct effect of the Constitution and constitutional law enforcement are analyzed. The authors consider the problematic aspects of determining the subjects of constitutional law enforcement. Signs of acts of constitutional law enforcement are considered. It is concluded that the activity of applying constitutional norms under certain circumstances may have the characteristics of "classical" law enforcement, but has specific features.

Further prospects of scientific theoretical and constitutional research in the field of defining constitutional law enforcement as a separate type of law enforcement activity are determined.

Key words: implementation of law, law enforcement, law enforcement activity, the Constitution of the Russian Federation, constitutional law enforcement, direct effect of the constitution, subjects of constitutional law enforcement, acts of constitutional law enforcement.

For citation: Samusevich, A. G., Shutova, V. N. (2022) K voprosu o ponimanii i sushchnosti konstitucionnogo pravoprimeneniya [On the understanding and essence of constitutional law enforcement]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 4 (70). Pp. 84–98. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_4_84

Введение

Интерес к представленной теме обусловлен тем, что на сегодняшний день в теории права и в теории конституционного права неоднозначно и порой противоречиво понимается такая правовая категория, как конституционное правоприменение.

Несмотря на достаточно длительный период действия Конституции Российской Федерации¹ (Далее – Конституция РФ) и детальное изучение в правовой науке различных аспектов ее действия, а также реализации ее норм, вопрос о конституционном правоприменении представляется малоисследованным.

К сожалению, в научной литературе не так много исследований, касающихся рассматриваемой темы, которые в полной мере отвечали бы современным реалиям в рамках проводимой в России конституционной реформы. Кроме того, не изобилуют научными публикациями в этой сфере и зарубежные издания.

Казалось бы, при простоте поставленного вопроса, многие аспекты конституционного правоприменения не находят своего научного обоснования. Как видится, это обусловлено тем, что на заре становления современного конституционализма сложилось устойчивое авторитетное мнение среди ученых-исследователей о некоторых вопросах применения конституционных норм, которые и до настоящего времени остаются в приоритете и мало кем оспариваются. Это касается и прямого действия конституции, и форм реализации конституционных норм.

Как и было сказано ранее, проблема заключается в том, что в теории права и конституционном праве на сегодняшний день нет полноценного научного исследования по пониманию и сущности конституционного правоприменения, а также нет четко сформулированного определения и механизма его реализации.

Целью настоящего исследования является выявление основных проблем конституционного правоприменения и определение путей дальнейшего развития на основе всестороннего междисциплинарного теоретического, правового и конституционного анализа научных исследований в различных областях знаний.

Для реализации поставленной цели необходимо определить и решить следующие исследовательские логично выстроенные задачи: во-первых, проанализировать имеющиеся научные под-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

ходы к определению понятия «конституционное правоприменение»; во-вторых, рассмотреть проблемные вопросы соотношения прямого действия конституции с конституционным правоприменением; в-третьих, определить субъектов конституционного правоприменения. Полагаем, что решение этих проблем позволит более полно и качественно рассмотреть теоретические аспекты и основные признаки конституционного правоприменения.

В связи со сказанным отметим, что в рамках данной статьи ставится вопрос о понимании и сущности конституционного правоприменения с точки зрения теоретического подхода.

Конституционное правоприменение как форма реализации конституционных норм

Рассматривая вопросы применения конституционных норм как отдельного специфического вида правоприменительной деятельности, стоит обратить внимание на современные научные подходы к определению понятия «конституционное правоприменение». Для полноценного понимания рассматриваемого аспекта первоначально необходимо определиться: обладает ли конституционное правоприменение общими признаками, присущими процессу применения норм права?

Отметим, что по общему правилу правоприменение состоит в том, чтобы применить правовую норму к конкретному жизненному случаю с изданием правоприменительного акта. Именно издание акта является основной целью процесса правоприменения. Сущность и основные признаки правоприменительной деятельности, а также правоприменительных отношений, которые возникают в сфере претворения правовых норм в жизнь, рассматривались нами ранее. [см.: 6; 7].

Как справедливо писал С. С. Алексеев: «...по своей сути правоприменительная деятельность заключается в разработке и фактическом осуществлении организационных мер, направленных на обеспечение реализации предписаний правовых норм на практике»¹.

Не противоречит данной точке зрения и мнение Л. О. Мурашко о том, что «... правоприменение по существу выступает, выступает, прежде всего, как компетентная властная деятельность» [4, с. 4].

Тем не менее, мы считаем, что изначально необходимо обратить внимание на характеристики самого нормативного правового акта, подлежащего применению. В соответствии с ч. 1 ст. 15

¹ Алексеев С.С. Общая теория права. М.: ТК Велби; Проспект, 2008. С. 525.

Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации¹.

Помимо указанных юридических свойств, Конституция РФ отличается высокой степенью обобщенности правовых предписаний, абстрактным характером норм, а также спецификой регулируемых вопросов. Так, именно в Конституции РФ заложены цели, принципы и основные ценности, представляющие собой «ценностную характеристику общества и государства» [4, с. 5]. Конституция Российской Федерации в то же время содержит «общие и не характеризующиеся формальной определенностью положения, которые формулируют лишь важнейшие принципы правового регулирования общественных отношений» [10, с. 2].

В свою очередь, отметим, что в юридической литературе по теории права и конституционному праву в отношении процесса применения норм Конституции чаще всего встречается такие определения, как: «применение Конституции», «прямое действие Конституции», «реализация норм Конституции» и др.

При этом многие авторы в одних случаях отождествляют указанные понятия, а в других – проводят различия между ними. Таким образом, единого мнения в рассматриваемой сфере в настоящее время нет, что говорит об актуальности данного вопроса. В этой связи интерес представляет мнение Е. С. Аничкина и Т. И. Ряховской, которые указывают на то, что в контексте вопроса о прямом действии Конституции Российской Федерации представляется целесообразным уточнить, что подразумевает «действие» Конституции, какова его взаимосвязь с «реализацией», которая включает и применение как одну из форм [2, с. 32].

Действительно, не совсем понятно, почему в отношении процесса применения норм Конституции игнорируется определение «конституционное правоприменение»? По этому поводу В. И. Червонюк справедливо отмечает: «Понятие «применение Конституции» отличается присущей ему идентичностью (наличие специальных субъектов, форм выражения, используемых правовых средств и т.д.). В этом смысле действие и применение Конституции не являются понятиями одного порядка. Следовательно, формы действия Конституции и формы применения Конституции не совпадают, как это представлено в специаль-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

ных работах (например, прямое и «косвенное» или «производное» применение Конституции судами)» [9, с. 65].

Можно согласиться с мнением Р. С. Никитина, который утверждает, что конституционное правоприменение является более узким понятием по отношению к правоприменению, т. е. правоприменение и конституционное правоприменение соотносятся как родовое и видовое понятия. Соответственно, следовало бы согласиться и с тезисом, что «конституционному правоприменению присущи и общие признаки правоприменения» [5, с. 12]. Между тем дальнейшее изучение проблемы не позволяет нам полностью согласиться с этим утверждением.

Нельзя отрицать и очевидный факт того, что «применение конституции по сравнению с иной правоприменительной деятельностью представляет собой более сложный процесс...» [4, с. 4].

Соответственно, следует выделить и особенности, отличительные черты, которые характерны только для конституционного правоприменения и позволяют говорить о его своеобразии. В этой связи согласимся с профессором С. А. Авакьяном относительно того, что «...зачастую конституционное правоприменение действительно состоит в реализации норм самой Конституции» [1, с. 44].

Стоит сказать, что по этому поводу не так много научно-исследовательских работ, которые в полной мере отвечали на поставленный вопрос. В связи с этим, нам представляется возможным рассмотреть те немногочисленные научные подходы к определению конституционного правоприменения.

Например, Р. С. Никитин пишет: «Конституционное правоприменение – это применение акта высшей юридической силы, который имеет прямое действие на всей территории государства в части, подлежащей применению в строго установленном порядке лицами или группой лиц, специально уполномоченных на такую деятельность, ориентированную на реализацию воли народа» [5, с. 13].

Профессор В. И. Червонюк, рассматривая формы применения Конституции, отмечает: «Универсальный характер данной формы применения судами Конституции обусловлен тем, что конституционные институты (нормы, принципы, цели, ценности, правовые позиции Конституционного Суда) применяются совместно с нормами законов и другими нормативными правовыми актами в качестве единого обоснования судебного решения. Системное

(комплексное) судебное правоприменение обусловлено тем, что конституционное право, так или иначе, оказывает общее регулирующее воздействие на все сферы жизни общества, выступая критерием правильности, правовой природы отраслевых норм» [9, с. 65].

Таким образом, исходя из различных точек зрения, можно определить и основные признаки конституционного правоприменения, среди которых: наивысшая сила применяемого акта, его коллизионность и абстрактный характер норм; ограниченность норм, подлежащих применению; обширный круг вопросов, регулируемых конституционными нормами; наличие особого статуса субъектов, а также непосредственная реализация воли народа [см., напр.: 5, с. 13].

Отметим, что не со всеми указанными признаками конституционного правоприменения можно согласиться в полном объеме. Так, под большим вопросом определение воли народа в данном процессе, а также не указаны основания конституционного правоприменения и не конкретизирован и круг субъектов.

Соотношение прямого действия конституции и конституционного правоприменения

Проанализировав некоторые научные подходы к рассматриваемой теме, отметим, что формы конституционного правоприменения в определенной степени обусловлены таким юридическим свойством Конституции РФ, как прямое действие. По этому поводу профессор С. А. Авакьян отмечает, что «конституционное правоприменение состоит в непосредственной реализации ее норм тем, кому они адресованы, а также запрете иных действий, как данными, так и иными субъектами права» [1, с. 44].

Еще в начале XX в. в научной литературе по конституционному праву высказывалось мнение, что законодатель придает статус прямого и непосредственного действия определенным нормам конституции или всей конституции в целом, что позволяет заинтересованному субъекту требовать защиты своих прав, ссылаясь только на нормы конституции. В других случаях, для применения конституционной нормы требуется применение закона – обычного или конституционного¹. О чем и было сказано ранее.

¹ Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма, 2002. С. 70.

Можно согласиться с мнением Е. С. Аничкина и Т. И. Ряховской, отмечающих, что «прямое действие норм Конституции Российской Федерации является правовым свойством норм Основного закона, которое носит правовой характер, выражая правило действия и реализации норм Конституции, независимо от наличия нормативных правовых актов, конкретизирующих их. Это свойство ничем не ограничено, то есть, даже если необходимо конкретизировать нормы Основного закона, это не является его исключением, поскольку само уточнение создается на основе конституционно-правовых предписаний и лишь развивает их с целью реализации, а не устанавливает. И применение Конституции Российской Федерации, особенно в деятельности судов, является процессом, посредством которого обеспечивается эта собственность» [2, с. 37].

«Другой аспект прямого действия Конституции Российской Федерации реализуется в случаях применения права специально уполномоченными субъектами (органами государственной власти, их должностными лицами) и заключается в обязанности принимать решения непосредственно на основе конституционных норм при отсутствии нормативных актов, детализирующих содержание этих положения»¹. В то же время автор уточняет, что принятие соответствующих решений должно осуществляться с учетом правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации.

В этой связи стоит сказать, что фактически остается все меньшее количество подобных конституционных норм прямого действия, поскольку они рано или поздно получают детализацию в нормах текущего законодательства. Можно привести несколько примеров. Так, норма ч. 1 ст. 111 Конституции РФ о назначении Председателя Правительства РФ нашла отражение в ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»². Более того, в новом законе закреплена даже правовая позиция Конституционного суда РФ, выраженная в Постановлении Конституционного суда РФ от 11 декабря 1998 г. № 28-П³ относительно возможности предлагать как разные, так и одну и ту же кандидатуру Председателя Правительства РФ.

¹ Балагурова Н. Н. Действие Конституции Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 19.

² О Правительстве Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.

³ По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации: постановление Конституционного суда РФ от 11 декабря 1998 г. № 28-П // Собрание законодательства РФ. 1998. № 52. Ст. 6447.

Таким образом, представляется логичным привести примеры конституционного правоприменения, которые реализуются на практике. Одним из таких примеров может выступить процедура назначения Президентом РФ выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, которая осуществляется в соответствии с положениями п. «а» ст. 4 Конституции РФ. Причем, стоит обратить внимание на тот факт, что в тексте соответствующего указа Президента РФ сделана ссылка не на статью Конституции РФ, а на статью ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»¹.

Другим примером является реализация Советом Федерации полномочий по назначению выборов Президента Российской Федерации в соответствии с п. «д» ч. 1 ст. 102 Конституции РФ. Здесь, в свою очередь, отметим, что в постановлении Совета Федерации уже есть ссылка на ст. 81 и 102 Конституции РФ, а не только на закон «О выборах Президента РФ»².

Также в качестве примера конституционного правоприменения можно привести и процедуру назначения Советом Федерации на должность судей Конституционного суда РФ в соответствии с п. «ж» ч. 1 ст. 102, ч. 1 ст. 128 Конституции РФ³.

Как видится, во всех этих случаях не совсем корректно говорить о прямом действии Конституции РФ, поскольку каждое конкретное рассмотренное полномочие органа государственной власти, как и ряд других, уже нашло свое закрепление и развитие в нормах текущего законодательства: ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»; ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»; ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и др.

В этой связи интерес представляет и концепция зарубежных авторов, которая состоит в том, что нормы конституции могут быть применены в рамках подконституционного права, когда субъекту отказывают в возможности сослаться на положение о равной защите и вместо этого будет предложено полагаться

¹ См., напр.: О назначении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации нового созыва: указ Президента РФ от 17 июня 2021 г. № 367 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 25. Ст. 4788.

² См., напр.: О назначении выборов Президента Российской Федерации: постановление Совета Федерации ФС РФ от 15 декабря 2017 г. № 528-СФ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 52 (Часть I). Ст. 7969.

³ См., напр.: О назначении Бушева Андрея Юрьевича на должность судьи Конституционного суда Российской Федерации: постановление Совета Федерации ФС РФ от 08 июня 2022 г. № 175-СФ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 25. Ст. 4178.

на соответствующий федеральный закон. В этом и других случаях суды, по-видимому, полагают, что конституционные права могут быть обеспечены посредством применения подконституционного права, практика, которую эта статья называет «конституционное правоприменение по доверенности» [1, с. 1664].

Соответственно, субъектами конституционного правоприменения могут быть компетентные государственные органы при осуществлении полномочий, которые возложены на них Конституцией Российской Федерации. К ним относятся Президент Российской Федерации, Совет Федерации и Государственная дума. В то же время возникает вопрос о коллективном субъекте правоприменения.

Как видно из вышеприведенного, тема соотношения прямого действия конституции и конституционного правоприменения полностью не раскрыта и нуждается в дальнейшем научном осмыслении.

Субъекты и акты конституционного правоприменения

Как было указано ранее, еще одной проблемой в рассматриваемом вопросе является определение субъектов конституционного правоприменения. В теории и практике правоприменения субъектам данного процесса уделяется особое внимание, так как именно от них зависит качество и эффективность правоприменительной деятельности. Стоит сказать, что субъекты правоприменения, в отличие от других участников реализации правовых норм, обладают особыми признаками, среди которых особое место занимает власть.

По общему правилу, субъектами конституционного правоприменения являются компетентные органы государственной власти, наделенные исключительным правом принятия соответствующих решений в соответствии с предписаниями Конституции РФ, а также суды.

Соответственно, возникает очередной вопрос: могут ли считаться субъектами конституционного правоприменения граждане РФ или народ в целом?

Например, П. П. Сергун и К. А. Ишеков однозначно говорят о том, что основным и единственным субъектом реализации конституций или уставов в форме применения являются носители государственной власти. В результате формулировка, допускающая применение конституций и уставов широким кругом участников правоотношений, представляется неправомерной [8, с. 51].

Все исследователи, характеризуя субъектов конституционного правоприменения, относят их к разряду особых. Вопрос о круге таких субъектов был и остается дискуссионным. Следует отметить, что многие авторы, рассматривая проблемные вопросы конституционного правоприменения, избегают конкретных выводов о субъектах.

Из некоторых суждений ученых следует определенный вывод о том, что субъектом конституционного правоприменения является Конституционный суд [4]. Другие авторы говорят о судах общей юрисдикции как об основных субъектах этого процесса [1, с. 46], но при этом не исключают и участие иных компетентных органов.

В этой связи вполне справедливо возникает еще один вопрос: какова роль Конституционного суда РФ в конституционном правоприменении? Является ли его деятельность по толкованию конституционных предписаний правоприменительной?

Из анализа различных точек зрения ученых, следует вывод о том, что с некоторых позиций возможно рассматривать толкование Конституции РФ, данное Конституционным судом РФ, как специфический вид правоприменительной деятельности [4].

Далее стоит сказать, что любая правоприменительная деятельность связана с вынесением правоприменительного акта, это завершающий этап правоприменительного процесса. В таком случае необходимо обратить внимание и на правоприменительные акты в конституционном правоприменении.

Отметим, что в данной сфере также нет единого понимания среди авторов о сущности рассматриваемых актов. Тем не менее, можно привести точку зрения П.В. Коршуновой, отмечающей: «Правоприменительная деятельность Конституционного Суда Российской Федерации фиксируется в его Постановлениях в качестве заключительных актов, Определениях, которыми отказано в принятии жалобы, выносятся «положительное решение» по итогам рассмотрения жалобы, в определениях о разъяснении судебных решений, а также в его Обзорах. Именно в них фиксируется работа Суда, в том числе связанная с обеспечением единства судебной практики, достижением правовой определенности. Значение правоприменительных актов Конституционного Суда Российской Федерации для обеспечения единообразия судебной практики заключается в том, что Суд осуществляет глубокую и четкую адаптацию уже установленной законодателем нормы к правовым реалиям, которые не могут быть проигнорированы сотрудником право-

охранительных органов, в результате чего достигается единообразное понимание и применение правовых норм» [3, с. 122]. Автор исходит из того, что актами конституционного правоприменения являются постановления Конституционного суда РФ, изданные в процессе толкования. Как видится, на данном этапе нельзя с уверенностью говорить о том, что постановления Конституционного суда РФ обладают полноценными признаками правоприменительных актов.

Для настоящего исследования интерес представляют и выводы П. П. Сергуна и К. А. Ишекова: «... вынося правоприменительные акты, власти соблюдают конституционные нормы (например, при назначении выборов в законодательные органы). Государственные органы, аргументируя то или иное правоприменительное решение, используют нормы конституции (этот тезис наглядно иллюстрирует деятельность органов конституционного правосудия, относительно свободных в выборе норм, подлежащих применению)» [8, с. 52].

Между тем, представляется, что акты толкования Конституционного суда РФ нельзя в полной мере считать правоприменительными актами. В свою очередь, деятельность по толкованию норм конституции также не будет являться конституционным правоприменением. Как видится, деятельность Конституционного суда лишь способствует правильному и единообразному конституционному правоприменению.

Заключение

Исследование показало, что на сегодняшний день не существует единого подхода к пониманию конституционного правоприменения. Учитывая вышеизложенное, суммируя имеющиеся подходы к рассматриваемой проблеме, а также теоретическое построение правоприменения в целом, можно предположить, что конституционное правоприменение – это особая организационная деятельность компетентных органов государства, обладающих властными полномочиями в сфере реализации конституционно-правовых норм с целью претворения их в жизнь по конкретному жизненному случаю, установленным Конституцией РФ.

Кроме того, мы приходим к выводу, что теория конституционного правоприменения нуждается в более широком объеме исследований. Как представляется, при определенных условиях исследование конституционного правопорядка может рассматриваться как отдельный вид правоохранительной деятельно-

сти, что указывает на перспективу дальнейших исследований в этой области.

В связи с этим необходимо конкретизировать определенные вопросы конституционного правоприменения, такие как механизм реализации конституционного правоприменения; статус и типы субъектов; динамические характеристики; структуру и сущность издаваемых актов и т.д. Несомненно, конституционное правоприменение нуждается в дальнейшем теоретическом научном осмыслении.

Список литературы

1. Авакьян С. А. Конституционное правоприменение: некоторые проблемы теории и практики // Юридический вестник ДГУ. – Т. 28. – 2018. – № 4. – С. 43–48.
2. Аничкин Е. С. Ряховская Т. И. Прямое действие и применение норм Конституции РФ: к вопросу о разграничении понятий // Правоприменение. – 2018. – Т. 2. – № 1. – С. 31–39.
3. Коршунова П. В. Правоприменительные акты Конституционного суда РФ как средство обеспечения единства судебной практики // Правоприменение в публичном и частном праве: материалы Международной научной конференции. – Омск, 2021. – С. 119–123.
4. Мурашко Л. О. Конституционное правоприменение и его ценностная составляющая // Мониторинг правоприменения. – 2018. – № 3 (28). – С. 4–8.
5. Никитин Р. С. Понятие и признаки конституционного правоприменения // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2010. – № 1 (12). – С. 12–14.
6. Самусевич А. Г. Основания правоприменительной деятельности // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 7 (134). – С. 132–134.
7. Самусевич А. Г. Проблемы понимания правоприменительных отношений в общей теории права // Теория государства и права. – 2020. – № 1 (17). – С. 107–116.
8. Сергун П. П., Ишеков К. А. Правоприменение в современной теории конституционного права // Правовая культура. – 2014. – № 3 (18). – С. 50–53.
9. Червонюк В. И. Прямое действие Конституции и применение конституции судами // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 4. – С. 59–66.
10. Шутова В. Н. Проблемы построения правового государства в условиях односторонней реализации конституционных норм в российском законодательстве // Пролог: журнал о праве. – 2016. – № 1 (9). – С. 1–4.
11. Preis J. F. Constitutional enforcement by proxy (2009) // Virginia Law Review. № 95 (7). Pp. 1663–1744.

References

1. Avak'yan, S. A. (2018). *Konstitutsionnoe pravoprimerenie: nekotorye problemy teorii i praktiki* [Constitutional law enforcement: some problems of theory and practice]. *Yuridicheskii vestnik DGU – Legal Bulletin of the DSU*. No. 4. Pp. 43–48. (In Russian).

2. Anichkin, E. S., Ryakhovskaya, T. I. (2018). *Pryamoe deistvie i primeneniye norm Konstitutsii RF: k voprosu o razgranichenii ponyatii* [Direct action and application of the norms of the Constitution of the Russian Federation: on the issue of the differentiation of concepts]. *Pravoprimereniye. – Law Enforcement Review*. No. 1. Pp. 31–39. (In Russian).
3. Korshunova, P. V. (2021). *Pravoprimeritel'nye akty Konstitutsionnogo suda RF kak sredstvo obespecheniya edinstva sudebnoi praktiki* [Law enforcement acts of the Constitutional Court of the Russian Federation as a means of ensuring the unity of judicial practice]. *Pravoprimereniye v publichnom i chastnom prave: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii – Law enforcement in public and private law: Proceedings of the International Scientific Conference*. Omsk. Pp. 119–123. (In Russian).
4. Murashko, L. O. (2018). *Konstitutsionnoye pravoprimereniye i ego tsennostnaya sostavlyayushchaya* [Constitutional law enforcement and its value component]. *Monitoring pravoprimereniya – Law enforcement monitoring*. No. 3 (28). Pp. 4–8. (In Russian).
5. Nikitin, R. S. (2010). *Ponyatie i priznaki konstitutsionnogo pravoprimereniya* [The concept and signs of constitutional law enforcement]. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii. – Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 1 (12). Pp. 12–14. (In Russian).
6. Samusevich, A. G. (2019). *Osnovaniya pravoprimeritel'noi deyatel'nosti* [Grounds for law enforcement activity]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal – Eurasian Law Journal*. No. 7 (134). Pp. 132–134. (In Russian).
7. Samusevich, A. G. (2020). *Problemy ponimaniya pravoprimeritel'nykh otnoshenii v obshchei teorii prava* [Problems of understanding law enforcement relations in the general theory of law]. *Teoriya gosudarstva i prava – Theory of State and law*. No. 1 (17). Pp. 107–116. (In Russian).
8. Sergun, P. P., Ishekov, K. A. (2014). *Pravoprimereniye v sovremennoi teorii konstitutsionnogo prava* [Law enforcement in the modern theory of constitutional law]. *Pravovaya kul'tura – Legal culture*. No. 3 (18). Pp. 50–53. (In Russian).
9. Chervonyuk, V. I. (2019). *Pryamoe deistvie Konstitutsii i primeneniye konstitutsii sudami* [Direct operation of the Constitution and application of the Constitution by the courts]. *Vestnik ehkonomicheskoi bezopasnosti – Bulletin of Economic Security*. No. 4. Pp. 59–66. (In Russian).
10. Shutova, V. N. (2016). *Problemy postroeniya pravovogo gosdarta v usloviyah odnostonnei realizatsii konstitutsionnykh norm v rossiiskom zakonodatel'stve* [The Problem of Building a Constitutional State in Conditions of One-Sided Implementation of Constitutional Norms in the Russian Legal System]. *Prolog: zhurnal prave – Prologue: Law Journal*. No. 1 (9). Pp. 1-4. (In Russian).
11. Preis, J. F. Constitutional enforcement by proxy (2009) // *Virginia Law Review*. No 95 (7). Pp. 1663–1744.

Вклад соавторов

Соавторство неделимое.

Author contributions

Co-authorship indivisible.

Об авторах

Самусевич Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский институт (филиал) Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Иркутск, Российская Федерация; Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-0845-1343, e-mail: samusevich79@mail.ru

Шутова Валентина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский институт (филиал) Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Иркутск, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-0899-2596, e-mail: tinav@bk.ru

About the authors

Alexey G. Samusevich, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russian Federation, Irkutsk National Research Technical University Irkutsk, Russian Federation, ORCID ID: 0003-0845-1343, e-mail: samusevich79@mail.ru

Valentina N. Shutova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-0899-2596, e-mail: tinav@bk.ru

*Поступила в редакцию: 07.11.2022
Принята к публикации: 02.12.2022
Опубликована: 30.12.2022*

*Received: 07 November 2022
Accepted: 02 December 2022
Published: 30 December 2022*